

ТАЛАНТ, ПОМНОЖЕННЫЙ НА ТРУДОЛЮБИЕ

Я смотрю на фотографии этой замечательной балерины, теперь уже педагога хореографического училища, и мне вспоминаются этапы сценической жизни этого мастера — жизни яркой, полной волнений, напряженного труда и творческих удач.

Значимость творчества актера определяется, как известно, не количеством ролей, не числом проработанных лет, а глубиной и оригинальностью созданных им образов. Фирдаус Нафикова, будучи одной из ведущих танцовщиц Башкирского государственного театра оперы и балета, станцевала почти все главные роли классического и национального репертуара театра. Индивидуальность балерины складывается из многих качеств. Среди них и внешние данные, и характер пластики, и темперамент. Природа наделила Нафикову великолепными танцевальными данными: высоким шагом, крепкими пальцами, стремительным прыжком. И, отточив свое мастерство, она стала виртуозной танцовщицей, овладевшей всем арсеналом средств классического танца. Необыкновенный дар трудолюбия и повышенной требовательности к себе и своим партнерам ознаменовали весь ее творческий путь.

Каждый выход Фирдаус на сцену был радостен, улыбка ее несла в себе огромную силу жизнелюбия и заразительного веселья. Вот ее Кармен — своеобразная цыганка, любящая жизнь, превыше всего восславляющая свободу чувств, мыслей, поступков. А вот — горделиво-величавая Одетта; жестокая Мирта; задорная, озорная Китри; героини национальных балетов — Зейтунгуль, Галима, Айсылу... Да разве перечислишь все прекрасные образы, созданные Нафиковой на башкирской сцене!

Балерина проявила настоящее умение жить в танце, умение верить в предлагаемые об-

стоятельства, как бы наивны они ни были. У Фирдаус богатая актерская интуиция, непосредственность восприятия, легкая возбудимость. В «Бахчисарайском фонтане», окруженная сонмом беззаботно-шаловливых хайских жен, ее героиня живет в мире подлинных чувств. Зарема в исполнении этой балерины — одна из самых любящих женщин, она хочет любить и быть любимой. Защищая любовь, Зарема-Нафикова борется за свое человеческое достоинство, борется до конца.

Запомнился дебют молодой танцовщицы в балете «Голубой Дунай» в партии Анели, верной и трогательно-нежной. В этом же балете она станцевала в дивертисменте 3-го акта персидский танец, где блеснула совсем иными красками — томностью, скрытым темпераментом, острой танцевальной пластикой. Балерине широкого диапазона Фирдаус Нафиковой были по плечу и чисто классические роли, и острохарактерные партии. Значительной вехой в ее творчестве была концертная деятельность. Она участвовала в самых ответственных концертах, проводимых артистами нашей республики в Москве, Ленинграде, а также на зарубежных гастролях, география которых чрезвычайно разнообразна у Нафиковой.

Многое сделала Ф. Нафикова за прошедшие годы работы на сцене Башкирского государственного театра оперы и балета, и ее усилия оценены правительством. Она удостоена звания народной артистки РСФСР и лауреата премии им. Салавата Юлаева.

М. ТАГИРОВА,
заслуженная артистка РСФСР.

НА СНИМКАХ В. ОСОТОВА: Ф. Нафикова в роли Одетты; а это она с питомцами из Уфимского хореографического училища.



Стоило лето первого послевоенного года. Воздух, нагретый за день, к вечеру, остывая, наполнялся терпким запахом цветущей на окнах герани, вызывая острое чувство голода.

Двор наш, что на улице Зенцова, жил обычной для того времени жизнью: взрослые, в основном женщины, решали сложную проблему — как накормить семью, по-прежнему находясь в тисках карточной системы. А дети, обделенные войной, играли «в войну».

Из раскрытых окон соседнего дома неслись звуки трофейного аккордеона, возмущая спокойствие женщин нашего дома.

На скамейке Закира-апа, очень улыбчивая и приветливая женщина, мать пятерых детей, оставшаяся без мужа, рассказывала соседкам интересный эпизод из своей довоенной счастливой жизни. Те, с любопытством слушая, улыбались.

Но рассказчица иногда прерывала свое повествование, ибо на руках она держала внучку, шестимесячную Ларису, которая временами капризничала.

Закира-апа успокаивала внучку играючи, напевая спортивную песенку о футболистах, а в такт припеву:

«Левый край! Правый край! Не зевай!» — подбрасывая малютку с коленки на коленку, Лариса быстро успокаивалась. Со стороны наблюдать за этим было забавно, поэтому соседки смеялись: «Ну и весела же тетя Закира!»

Закира-апа, успокоив внучку, продолжала прерванный рассказ. Но в веселых нотках рассказчицы опять наступала пауза — трофейный аккордеон высокими сочными звуками выводил ее из спокойствия.

— Ну, эта немцкая музыка! — в сердцах ругалась Закира-апа.

Но не музыка возмущала ее. Наоборот, музыку она любила, и вся семья у нее была музыкально одаренной, начиная от старшей дочери Марьям и кончая младшей — Фирдаус. Ее возмущал сам аккордеон, привезенный «оттуда» — откуда-то пришли все

беды: не вернулся муж, осиротели дети. Не знаю, чем бы закончился тот эпизод. Возможно, Закира-апа ушла бы домой, не в состоянии далее переносить эти муки, или переменили бы тему разговора, обязательно коснувшись владельца аккордеона: «Кому война, кому фатда» (польза).

В это время появилась в калитке возвращающаяся с работы Марьям, старшая дочь Закиры-апы. Стройная, красивая, в мать веселая, она подошла, взяла на руки дочь, поцеловала протянутые ручки, потом, присев, сказала:

— День так долго тянулся...
Опять зазвучал аккордеон.

Марьям, услышав, улыбнулась:

— Что? Замучил вас? Сейчас я его...

Передав Ларису матери, Марьям вынесла из дома мандолину и заиграла.

От разлившейся музыки повеяло каким-то раздольем, простором. Лица людей преобразились, двор стал шире, а приземистые надворные постройки ушли куда-то в даль.

Играла Марьям вдохновенно, а когда заметила среди собравшихся свою сестренку Фирдаус, шутиливо напевая, заиграла башкирскую плясовую «Корабай».

И Фирдаус, младшая дочь Закиры-апы, пошла плясать. Плясала она легко, по-детски весело, азартно. И уже чувствовалась в этой пляске ростки таланта, стремительно пробивающиеся наружу.

Вскоре импровизированный концерт закончился. Все разошлись, а мы остались играть, бегая по закоулкам дворовых построек и делясь своими большими радостями: кому выменяли букварь, кому достался от старших пенал, кому спусти портфель — ведь мы все собрались в первый класс.

Мы — это Рудик, Флорис, Фирдаус и я. Все маленькие, худенькие, шустрые и подстриженные «под ноль», очень похожие друг на друга. Одна Фирдаус имела прическу, прямо как у Мамлакат, знакомой нам по картине: «Сталин с девочкой-хлопкоробкой».

Фирдаус — наша санитарка, ведь у нее есть санитарная сумка. Когда мы играем



ДЕВОЧКА ИЗ НАШЕГО ДЕТСТВА

в войну и кто-нибудь из нас падает «раненым», Фирдаус подбегает и делает перевязку, при этом приговаривая:

— Потерпите, сейчас перевязку.

Мы, конечно, падаем старательно. Нам приятно слушать, как сурово и приговаривает она. Особенно часто падает Рудик и корчится от боли.

Фирдаус нам всем нравится: во-первых, она наша санитарка, а во-вторых — у нее есть брат Булат, который тоже с нами играет, хотя он уже девятиклассник. Кроме Марьям, у нее есть еще две сестры: Роза и Зифа.

Роза поет — ну прямо как артистка. Однажды, играя под окнами Фирдаус, я услышал песню:

«Ой, Самара-городок,
Беспокойная я,
Успокой ты меня!».

Песню эту в ту пору пела популярная Роза Бахланова. Те, у кого был патефон, заигрывали пластинку.

Слышу: раз поют, два поют. Ясно, не по радио. Я и спросил у Фирдаус:

— Вы патефон купили, да?

— Нет. С чего ты взял? — удивилась Фирдаус.

— Вон же у вас Роза Бахланова поет.

— Да это же наша Роза поет, — весело рассмеялась Фирдаус.

В жизни каждого человека есть прекрасная пора, когда он жадно впитывает события окружающего его мира — это детство. Эта прекрасная пора у нас совпала с войной.

По суровым законам военного времени, ограничивающим всех и во всем, мы были ограничены, кроме всего, что необходимо детям, и в хлебе. Иной жизни мы не знали, не представляли и привыкли к такой, ибо шел уже второй год после долгожданной победы, а в жизни ничего не изменилось, если не считать, что есть хотелось еще сильнее.

Поэтому в играх и была наша радость, а остальное дополнялось материнской лаской. В играх нас не ограничивали — играли допоздна.

Но однажды, когда солнце только закатилось за дом на противоположной стороне улицы, окрасив багрянцем небосвод, Закира-апа позвала Фирдаус: «Доченька, пора домой!»

Настолько это было удивительно, что мы даже переглянулись.

— Мам! Еще немного поиграю, — пыталась девочка уговорить мать.

— Утром тяжело будет вставать, — убеждала Закира-апа дочку.

И Фирдаус, вспомнив, побежала домой,

ничуть не расстроенная, даже наоборот, весело крикнув нам:

— Завтра уезжаем в гости, в деревню! До свидания!

Никто из нас не знал и даже не мог предположить, что для нее это была последняя игра в родном дворе.

Закира-апа, взяв двух младших дочерей Зифу и Фирдаус, поехала в далекий Архангельский район. Решила, что дети будут сыты — молока попоить, глядишь — и самой полечат в душевных разговорах за самоваром.

Медленно потянулось время. Скучно без Фирдаус. Не играет. И Рудик теперь «раненым» не падает, да и все мы тоже. Скорее бы Фирдаус приехала... Потом, надолго загнав нас домой, начались затяжные дожди.

Однажды утром проснулся я от ласкового прикосновения солнечных лучей. Радостный выбежал из дома. Но солнце не грело — ветер сдувал тепло, гоняя по голубому небу редкие белые облака, временами заслоняющие солнце. От Рудика я узнал, что приехала Фирдаус. Но радость омрачилась известием о болезни ее матери.

Только теперь обратил внимание на взрослых, выходящих от них со вздохами: «тяжела». Возвращаясь домой, попали они под проливной дождь, промокли, замерзли. Закира-апа старалась защитить от дождя детей, накрывая их собой. Домой приехали поздно ночью.

Закира-апа болела недолго. За две недели до начала учебного года дети осиротели.

После смерти матери Зифу с Фирдаус устроили в школу-интернат. О дальнейшей их судьбе я узнавал от старших. Вскоре пришла весть: Фирдаус как одаренного ребенка направили в Ленинградское хореографическое училище.

Эту новость я воспринял с некоторой грустью — Фирдаус далеко, и мы не сможем ее больше увидеть...

...Десять лет спустя мы встретились. Фирдаус пришла в свой родной двор после окончания Ленинградского хореографического училища имени Вагановой уже артисткой балета.

В стройной девушке с классической прической балерины и белоснежной улыбкой трудно было узнать нашу санитарку — девочку, с которой было связано одно из ярких и радостных воспоминаний трудного детства.

А дальнейшая судьба Фирдаус уже известна многим — это звездный путь народной артистки РСФСР балерины Фирдаус Нафиковой.

Ф. ДАВЛЕТОВ,
ведущий конструктор ВНИИГС.